

К. ТРАХУСТОЙСКИЙ

ДРЕМУЧИЙ МЕДВЕДЬ

РИСУНКИ Р. БЫЛИНСКОЙ

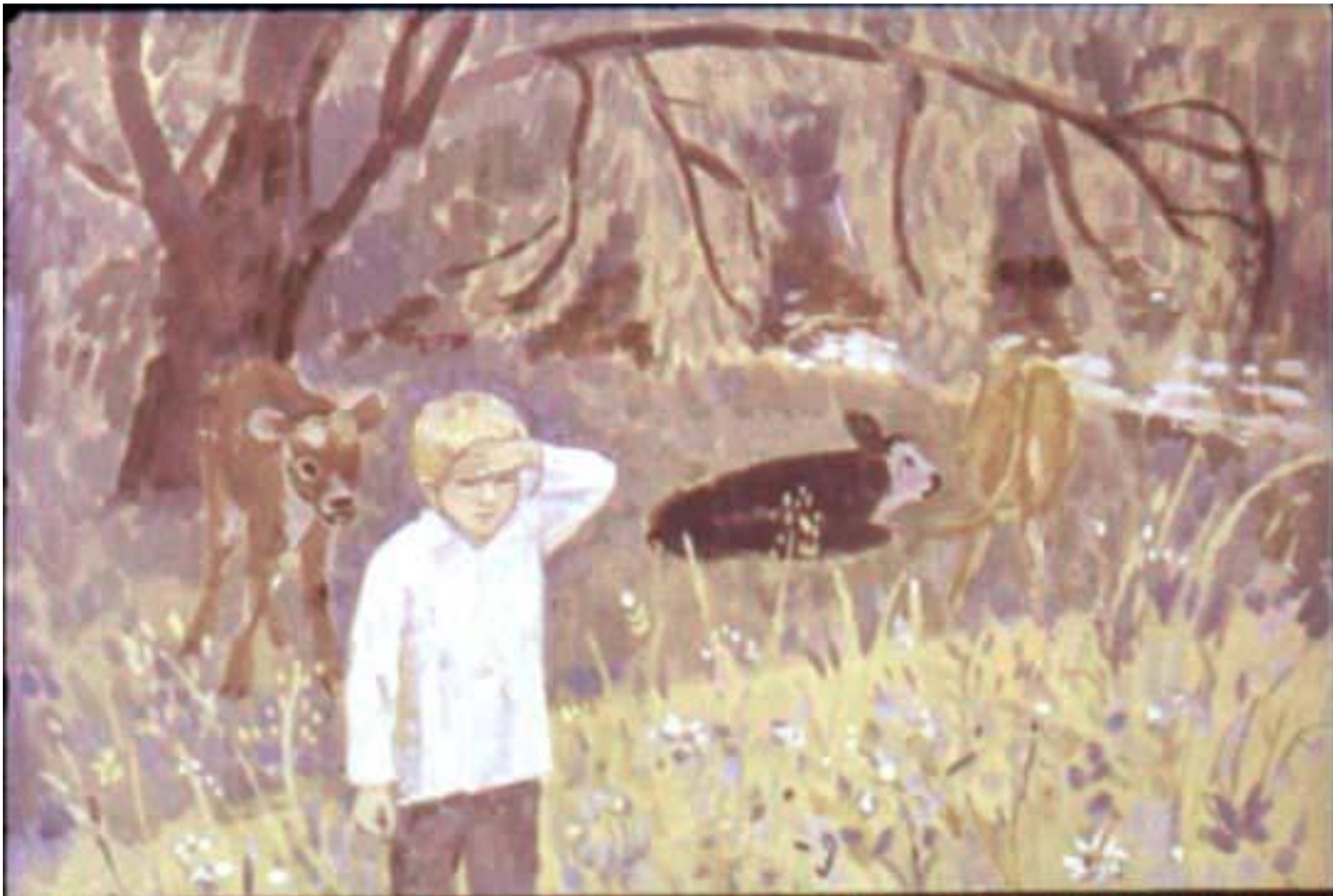
Сын бабки Анисьи, по прозвищу Петя-большой, погиб на войне, и остался с бабкой жить её внучёк, Петя-маленький. Петя был тихий и задумчивый. Бабка его «дичком» звала. ⑤

Когда Петя-маленький подрос, бабка Анисья определила его пасти колхозных телят. Телята были как на подбор, попухие и ласковые. Петя гонял телят пастись на Высокую реку. [1]

А река была такая, что лучше, должно быть, не найдёшь. Берега крутые, все в колосистых травах, в деревьях. В иных местах даже в полдень было пасмурно от старых ив. 4

А выйдешь из-под ив — и ударит с полян таким светом, что
зажмуришь глаза...

Ежевика на крутоярах так крепко хватала Петю за ноги, что он долго возился, прежде чем мог отцепить колючие плети. Но никогда он, осердясь, не топтал ежевику ногами, как все остальные мальчишки.

На Высокой жили бобры. Бабка Анисья строго наказала Пете не подходить к бобровым норам. Потому что бобёр — зверь строгий и может так хватить за ногу, что на всю жизнь останешься хромой. Но Пете была большая охота поглядеть на бобров.

Однажды Петя видел, как бобёр вылез из воды и начал тереть себе лапами грудь, драть её изо всех сил, сушить. Петя засмеялся, а бобёр оглянулся на него, зашипел и нырнул в воду.

А другой раз вдруг с грохотом обрушилась в реку старая ольха. Петя подбежал и увидел, что ольха прогрызена бобровыми зубами до сердцевины, а на ветках сидят бобры и жуют кору.

В густоте листьев над Высокой всегда было беспокойно. Там хлопотали разные птицы. А дятел с шустрым чёрным глазом — колотил и колотил со всего размаху по сухому осокорю. 10

«Может, голова у него и не болит, — думает Петя про дятла, — но звон в ней стоит наверняка здоровый. Шутка ли — бить и бить целый день! Как только черепушка выдерживает!»^[9]

Пониже птиц, над всякими цветами летали ворсистые шмели и пчёлы. А стрекозы останавливались в воздухе и, постреливая крылышками, рассматривали Петю выпуклыми глазищами.

И в воде тоже было хорошо. Смотришь на неё с берега, и чудится, что ползёт по дну рак величиной с бабкино корыто, а рыбы пьются от него, помахивают хвостами.

Постепенно и звери и птицы привыкли к Пете. Они полюбили его за то, что не озоровал: не сбивал палками гнёзд, не связывал стрекоз за лапки ниткой, не швырял в бобров камнями и не травил рыбу едучей известью.

Стоило Пете выйти на берег, как сразу начинали щёлкать птицы, взлетали шмели и даже деревья тихонько шумели навстречу ему.—«Вот и я!—говорил Петя.—Здравствуйте!» [15]

—Дра! Дра!—отвечала за всех ворона. Никак она не могла выучить до конца такое простое человеческое слово, как «здравствуйте». Но это не хватало у неё вороньей памяти. [16]

Все звери и птицы знали, что за рекой живёт старый медведь по прозвищу Дремучий. Его шкура и вправду была похожа на дремучий лес: вся в сосновых иглах, в давленной бруснике и смоле.

Звери часто видели, как медведь осторожно пробирался к реке и принюхивался к телятам. Один раз он даже попробовал лапой воду. Вода была холодная, и медведь раздумал переплыть реку.

Когда приходил медведь, птицы начинали отчаянно хлопать крыльями, деревья—шуметь, рыбы—бить хвостами, шмели—грозно гудеть. А Петя удивлялся и смотрел на небо: не к дождю ли все раскричались?

С каждым днём медведь сердился всё сильнее. Он голодовал, брюхо у него совсем отвисло.— «Беда-а-а!—рычал медведь.—Пойду задеру телка. А пастушок заступится, я его придушу лапой».

От телят пахло парным молоком.— «Неужто не переплыву?— сомневался медведь.— Мой дед, говорят, Волгу переплывал».— Думал медведь, думал, нюхал воду, скрёб в затылке и, наконец, решился...

Петя в то время лежал под кустом, а телята—глупые они ещё были—подняли голову, наставили уши и смотрят: что за старый пень плывёт по реке?

Первой после телят заметила медведя ворона.— «Карраул!— крикнула она.— Звери, воррр!»— Всполошились все звери. Петя вскочил, руки у него затряслись. А телята подошли уже к самому крутояру...

Закричал Петя, заплакал, схватил длинный свой кнут. Кнут щёлкнул, будто взорвался ружейный патрон. Да не достал кнут до медведя... — «Погоди, сейчас вылезу на бережок, — зарычал медведь, — все кости твои пересчитаю!»

Подплыл медведь к берегу, полез на крутойр к телятам.
Облизывается.

Петя оглянулся, крикнул: «Подсобите!»—и видит: задрожали осины и ивы, и птицы поднялись к небу.—«Неужто все испугались и никто мне не поможет?»—подумал Петя.

Но не успел он это подумать, как ежовика вцепилась колючими плетями в медвежьи лапы, и сколько медведь ни рвался, она его не пускала. Держит, а сама говорит: «Не-ет, брат, шутишь!»

Старая ива наклонила могучую ветку и начала изо всех сил хлестать ею медведя по худым бокам. — «Это что ж такое? — зарычал медведь. — Бунт? Я с тебя все листья сдеру, негодница!»

В это время дятел слетел с дерева, примерился—и как долбанёт медведя по темени! Взвыл медведь, испугался насмерть, воет и собственного воя не слышит: шмели залезли ему в ноздри!

Чихнул медведь, шмели вылетели, но тут же налетели пчёлы и начали язвить медведя в нос. А всякие птицы тучей вьются и выщипывают у него шкуру, волосок за волоском.

Закричал медведь истошным голодным голосом и полез обратно в реку. А у берега уже ходит стопудовый окунь, медведя дожидается. Цап медведя за хвост!

—Братцы!—заорал медведь, пуская пузыри.—Смилюйтесь! Отпустите! Слово даю... до смерти сюда не приду.

А тут драчливый ёрш, по имени Шипояд, засадил ему в бок свой ядовитый шип. Рванулся медведь, хвост оторвался. — «Ничего, — думает, — хвост старый, облезлый, от него никакого толку!»

А бобры, как началась заваруха с медведем, кинулись к высокой ольхе и начали её грызть.

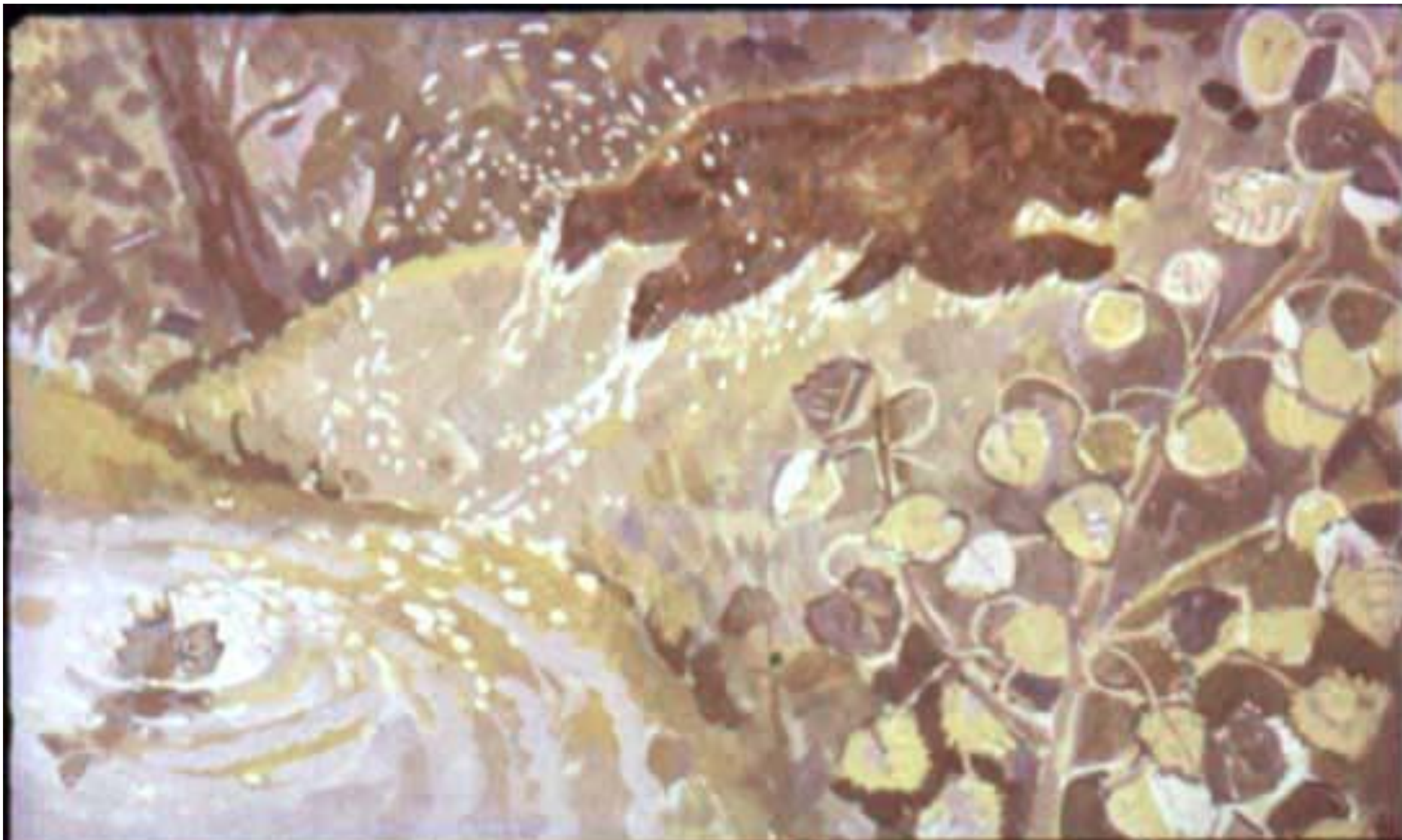
Как только подплыл медведь, старый бобёр крикнул: «А ну, нажимай!» — Бобры дружно нажали на ольху, шпенёк треснул...

...и дерево загрохотало—обрушилось в реку. И так ловко рассчитали бобры, что ольха серединой ствола угодила медведю в спину.—«Ну, теперь крышка!»—подумал медведь.

Он рванулся под водой изо всех сил, ободрал бока, замутил всю реку, но всё-таки вывернулся и выплыл.

Вылез на свой берег и пустился бежать к лесу. А позади крик, улюлюканье. Даже осинки мелко тряслись от смеха, а ёрш Шипояд разогнался, выскочил из воды и лихо плюнул вслед медведю.

Добежал медведь до леса, едва дышит. А тут, как на грех, девушки из Окулова пришли по грибы. Ходили они в лес всегда с бидонами и палками, чтобы на случай встречи со зверем пугнуть его шумом.

Выскочил медведь на поляну, девушки—все враз—завизжали и так грохнули по бидонам, что медведь упал, ткнулся мордой в сухую траву и затих.

Медведь стонал, стонал, потом вытер лапами пот и пополз на брюхе в своё логово. И зарёкся на всю жизнь выходить из дремучего леса.

Петя посмотрел вслед медведю, посмеялся, потом взглянул на телят. Они мирно жевали траву, и то один, то другой чесали копытцем у себя за ухом.

Тогда Петя низко поклонился деревьям, шмелям, реке, рыбам, птицам и бобрам. — «Спасибо вам!» — сказал Петя. Но никто не ответил ему. Тихо было на реке.

КОНЕЦ

Сценарий Л. Забицкого

Редактор Т. Семибратова

Художественный редактор В. Иванов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1978 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7

Д-089-78 Цветной 0-30